

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с участием адвоката К. дисциплинарное производство в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по обращению судьи К. районного суда города М. Х. № ... от 30 июля 2020 года (вх. № ... от 03.08.2020),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 11 ноября 2020 года адвокатом К. допущено нарушение требований п. 1 ст. 4 («Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии») и п. 2 ст. 8 («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан ...придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению») Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в произнесении им в заседании К. районного суда города М. 30 июля 2020 года фразы *«Если нужно, чтобы дело было прекращено, я готов станцевать стриптиз»*.

Кроме того, Квалификационная комиссия в том же Заключении пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии в целом согласился. Пояснил, что ретроспективно осознаёт неуместность фразы о стриптизе, и если бы ситуация повторилась, то он бы воздержался от её произнесения. В письменных возражениях от 21.12.2020 (вх. № ... от 21.12.2020) обращает внимание на то, что Квалификационная комиссия не прослушала представленную им аудиозапись судебного заседания и в силу этого не в полной мере учла все обстоятельства, влияющие на оценку его действий, а именно - ситуацию острого конфликта в судебном заседании, созданную председательствующей судьёй Х., которая не давала ему возможность полноценно вести допрос ключевого свидетеля

обвинения Г., постоянно перебивала, снимала вопросы, а затем стала его необоснованно укорять за якобы ненадлежащее поведение в судебном заседании и противопоставлять его поведение поведению коллег, которые якобы его за это осуждают. Произнесённая им фраза, которую он расценивает как *«неосторожное слово, произнесенное в пылу жаркого судебного спора и в ходе совершения действий по защите прав и свобод своего доверителя при явном нарушении прав адвокатов и посягательстве со стороны судьи на его профессиональное достоинство»*, была вынужденной реакцией именно на эти действия председательствующей судьи. В возражениях полностью приводится по аудиозаписи судебного заседания фраза, сказанная адвокатом К., в которой Квалификационная комиссия усмотрела нарушение: *«...Если надо, чтобы сейчас в отношении моего доверителя дело прекратили, я, извините, могу и стриптиз исполнить. Честно»*. Обращает внимание на то, что судья Х. не объявляла ему замечания в судебном заседании, однако сочла необходимым обратиться в Адвокатскую палату города Москвы для принятия к нему мер дисциплинарной ответственности. К письменному объяснению приложены расшифровка аудиозаписи судебного заседания К. районного суда города М. от 30.07.2020, а также тексты ходатайства адвоката К. о прекращении уголовного преследования П. и постановления от 20.05.2020 о привлечении П. в качестве обвиняемого.

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката К. и изучив представленные им материалы, пришел к выводу о правильном установлении Квалификационной комиссией фактических обстоятельств дела.

Установлено, что в производстве судьи К. районного суда города М. Х. находилось уголовное дело в отношении П. и Ж., обвиняемых по п. «а» ч. 4 ст. 291 УК РФ. Защиту П. осуществлял по соглашению адвокат К.

В начале судебного заседания, состоявшегося 30 июля 2020 года, адвокат К. обратился к председательствующей судье с просьбой о своём размещении в зале судебного заседания на месте, на котором находился государственный обвинитель, а его, в свою очередь, просил переместить на своё место, поскольку это позволило бы адвокату К. находиться во время судебного заседания рядом со своим доверителем. Однако председательствующая судья Х. ему в этом отказала. Находясь на отведённом ему месте в зале судебного заседания, адвокат К., задавая вопросы свидетелю Г., был вынужденно обращен к суду спиной.

По мнению судьи Х., адвокат К. при допросе свидетеля Г. не соблюдал положения главы 11 УПК РФ, игнорировал разъяснения суда о том, что судебное разбирательство по делу ведется в рамках предъявленного обвинения, позволял себе неэтичное поведение, что проявилось, в том числе в высказывании выражения: *«Ваша Честь, адвокат эгоист и аморальный тип – это прописано в УПК РФ, адвокат готов, если дело будет прекращено, стриптиз станцевать»*. В связи с таким поведением адвоката К. суд неоднократно обращал его внимание на недопустимость

использования в публичном процессе некорректных выражений и злоупотребления правами адвоката. Обращения председательствующего судьи адвокат К. игнорировал, пререкался с ним, в связи с чем в судебном заседании был объявлен перерыв, после которого поведение адвоката К. не изменилось, вследствие чего допрос свидетеля Г. завершён не был, а судебное разбирательство было отложено.

Оценивая заявленное адвокатом К. в судебном заседании 30 июля 2020 года ходатайство об изменении мест расположения защитника и обвинителя в зале судебного заседания, Совет признаёт, что оно было обусловлено необходимостью надлежащего исполнения профессиональных обязанностей защитника и адресовано надлежащему должностному лицу. Обращение адвоката к председательствующему в ходе судебного разбирательства для решения различных вопросов, в том числе и организационно-технических (объявление перерыва, согласование дней и времени заседаний, обеспечение зала достаточными местами для участников процесса и публики, размещение участников процесса в зале, использование вспомогательных технических средств и других) является нормальной практикой и направлено на создание наиболее благоприятных условий для выполнения защитником своих полномочий и обязанностей.

Поэтому обращение адвоката К. к председательствующей судье, выраженное в корректной форме: *«Ваша честь, почему адвокаты сидят отдельно от подзащитных? Нам неудобно. На мой взгляд, логичнее было бы, если адвокаты сидели рядом со своими подзащитными. Считаю, что столы расставлены неправильно»*, не может рассматриваться как неуважительное, нарушающее требования закона и профессиональной этики.

Расположение адвоката К. при допросе свидетеля Г. спиной к председательствующей судье было вынужденным и предопределялось не его выбором, а отведённым ему местом в зале судебного заседания. При этом ни статья 257 УПК РФ («Регламент судебного заседания»), ни статья 243 УПК РФ («Председательствующий»), ни какие-либо иные нормы уголовно-процессуального законодательства не содержат указаний о том, какой частью тела защитник должен быть обращён к председательствующему при участии в процессуальных действиях в судебном заседании, включая допрос свидетелей.

Данное адвокатом К. объяснение о том, что в силу фактического взаиморасположения участников судебного разбирательства в зале судебного заседания он не имел возможности одновременно быть обращённым лицом к допрашиваемому свидетелю и к председательствующему, не опровергнуто.

При таких обстоятельствах Совет признаёт, что вынужденное расположение адвоката К. спиной к председательствующему во время допроса свидетеля не может быть расценено как проявление неуважения к суду, и в профессиональном поведении адвоката К. и в этой части отсутствует нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Довод в обращении судьи Х. о том, что судебное разбирательство

ведется в пределах предъявленного обвинения, сам по себе является бесспорным, но абсолютно не исключает возможность обращения адвоката-защитника к председательствующему судье по различным процессуальным вопросам, возникающим в ходе разбирательства. Из имеющегося в материалах дисциплинарного производства протокола судебного заседания не усматривается очевидного несоответствия выступлений адвоката К. ходу судебного разбирательства. В обращении судьи Х. также не конкретизировано, какими именно действиями адвокат К., по её мнению, способствовал выходу суда за пределы судебного разбирательства. При таких обстоятельствах и в данной части основания для вывода о нарушении адвокатом К. каких-либо требований законодательства и профессиональной этики адвоката также отсутствуют.

Дисциплинарное обвинение в адрес адвоката К. в «пререкании» с председательствующим и «игнорировании» его обращений Совет также признаёт неконкретным и необоснованным. В соответствии с пп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката в обращении, являющемся поводом для возбуждения дисциплинарного производства, должны быть указаны: конкретное действие (бездействие) адвоката, в котором выразилось нарушение им законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, обстоятельства, на которых автор обращения основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Однако в обращении судьи Х. в Адвокатскую палату города Москвы не указано, в каких конкретно выражениях адвокатом К. осуществлялось «пререкание» с председательствующим и «игнорирование» его обращений, и чем это подтверждается.

В протоколе судебного заседания от 30 июля 2020 года содержатся три записи о том, что *«во время разъяснения председательствующим регламента адвокат К. пререкается с судом»*. Однако и в нём не указано, в каких именно выражениях адвоката К. выразилось «пререкание» с председательствующим. При этом, как следует из того же протокола, записям о пререкании адвоката К. с судом предшествуют его заявления о неправомерности неоднократного снятия председательствующей судьёй вопросов, заданных адвокатом свидетелю Г. (*«Обращаю внимание на то, что суд немотивированно снял вопрос адвоката. Считаю, что суд препятствует осуществлению защиты»*, *«Ваша Честь, Вы придираетесь к словам...»*, *«Ваша Честь, Вы не даете мне задавать интересующие меня вопросы, устанавливать обстоятельства дела»*). В этой связи Совет считает необходимым подчеркнуть, что само по себе заявление защитника о несогласии с действиями председательствующего (в том числе, с неправомерным, по его мнению, снятием председательствующим заданных свидетелю вопросов) не может быть расценено как «пререкания» или «игнорирование обращений председательствующего». Такие действия являются правом защитника, предоставленным ему законом (ч. 3 ст. 243, ч. 1 ст. 248 УПК РФ). Реализация защитником этого права направлена на исполнение его профессиональных обязанностей перед доверителем. Какие-либо иные высказывания адвоката

К., не приведённые в обращении судьи Х. и не отраженные в протоколе судебного заседания, не могут быть предметом оценки органами адвокатского самоуправления.

Оценивая дисциплинарное обвинение в произнесении адвокатом К. в судебном заседании фразы: *«Адвокат – эгоист и аморальный тип, это прописано в УПК РФ. Если нужно, чтобы дело было прекращено, я готов станцевать стриптиз»*, Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, не усматривает ни в какой её части нарушения норм адвокатской этики. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Органы адвокатского самоуправления при оценке избираемых адвокатами форм публичного выражения своей позиции в судебном заседании на предмет их соответствия требованиям профессиональной этики учитывают как требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, так и правовые позиции высших судов и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Так, ЕСПЧ неоднократно указывал, что в подобных случаях важно учитывать, в частности, причины и условия использования тех или иных выражений, а также устную форму изложения, когда отсутствует возможность переиначить высказанное, облагородить фразу или опустить ее до того, как употребленное выражение станет достоянием слушателей (См. постановления ЕСПЧ по делам: «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против РФ» от 03 февраля 2011 года (жалоба № 8921/05), «Никула (Nikula) против Финляндии» от 21 марта 2002 года (жалоба № 31611/96), «Резник (Reznik) против РФ» от 4 апреля 2013 года (жалоба № 4977/05, «Амихалакиоае (Amihalachioaie) против Молдавии» от 20 апреля 2004 года (жалоба № 60115/00), «Гюндюз (Gunduz) против Турции» от 04 декабря 2003 года по делу (жалоба № 35071/97)). В любом случае не должно нарушаться гарантированное статьей 10 Европейской конвенции по защите прав и основных свобод человека право на свободу выражения своего мнения.

Учитывая эти критерии, Совет соглашается с оценкой Квалификационной комиссией первого фрагмента фразы адвоката К. *«Адвокат – эгоист и аморальный тип, это прописано в УПК РФ»* как не нарушающего норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. В этом фрагменте, хотя и в несколько преувеличенной, но этически допустимой форме, приводится мнение об одностороннем характере деятельности адвоката в уголовном процессе, целью которой является не установление «объективной истины», а отстаивание интересов доверителя и позиции защиты, вне зависимости, в том числе, от моральной оценки деяний, в совершении которых обвиняется подзащитный.

Оценивая второй фрагмент рассматриваемой фразы, Совет признаёт установленным, что адвокат К. заявил в судебном заседании о готовности *«станцевать стриптиз»*, если это поможет прекращению уголовного дела в отношении его подзащитного, и именно в этом его высказывании Квалификационная комиссия усмотрела дисциплинарный проступок. Однако

Совет не может согласиться с этим выводом Комиссии по следующим причинам.

Прежде всего, Совет обращает внимание на то, что этим высказыванием адвоката К. авторитет судебной власти ущемлён не был, и дисциплинарное обвинение в неуважении к суду в отношении него не выдвинуто. Кроме того, как верно отметила Квалификационная комиссия в своем Заключении, анализируемое высказывание не содержит бранных либо относящихся к «пониженной лексике» выражений. Готовность *«станцевать стриптиз»* упомянута адвокатом К. применительно персонально к себе (но никак не к судье Х.), причём исключительно в переносном смысле. Нет никаких оснований полагать, что адвокат К. в действительности намеревался или, тем более, пытался исполнить стриптиз в зале или в здании суда. Иными словами, применительно к обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства совершенно очевидно, что указание адвоката К. на готовность *«станцевать стриптиз»* представляет собой не что иное, как образный речевой оборот.

Совет далее обращает внимание на то, что в обоих фрагментах анализируемого высказывания адвокатом К. было применено средство убеждения суда путем самоуничтожения в целях объяснить свои действия, обосновать позицию и добиться для доверителя благоприятного судебного решения. Такой ораторский приём признаётся допустимым многолетней практикой судебной риторики. Как отмечал один из самых просвещенных юристов своего времени, крупный судебный деятель П.С. Пороховщиков (Сергеич) в своей работе *«Искусство речи на суде»*, впервые изданной в 1908 году и актуальной до настоящего времени, *«Риторика указывает на некоторые искусственные приемы усиления мыслей формой их изложения»* (Москва, 1988. С.222).

Совет, как и Квалификационная комиссия, полагает, что адвокат, с целью достижения большей убедительности собственной аргументации в судебном разбирательстве, вправе использовать эмоционально насыщенную лексику, выражения, содержащие метафоры, гиперболы, аллегории, гротеск, элементы иронии и сарказма. При этом Совет не разделяет мнение Квалификационной комиссии о том, что это допустимо лишь при оспаривании позиции обвинения. Совет полагает, что такой ограничительный подход Комиссии не основан на смысле и содержании требований профессиональной этики адвоката, в частности, статьи 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, которая требует от адвоката одинаково корректно и уважительно относиться как к судьям, так и к иным лицам, участвующим в деле. Это же требование в равной мере относится и к возражениям адвокатов против действий (бездействия) судей и других лиц, участвующих в деле.

Именно такой подход соответствует традициям адвокатуры, на которых, в том числе, основаны правила профессионального поведения адвоката (ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката). Так, в сборнике А.Н. Маркова *«Правила адвокатской профессии в России»* (Москва, 1913)

содержится одно из решений Совета присяжных поверенных [1002], в котором, в частности, указано: *«Если присяжные поверенные обязаны быть корректными и относиться к Суду и прокуратуре с должным уважением, то, с другой стороны, они вправе желать и для себя такого же отношения от Суда и прокуратуры, как лица, преследующие с ними одну цель: помогать правосудию в достижении истины. Третировать же присяжных поверенных публично, без повода с их стороны, роняя носимое ими звание, и затем, вызвав в них естественное в таких случаях волнение и беспокойство духа, их же обвинять в неосторожном выражении, было бы явлением ненормальным и по отношению к присяжным поверенным и несправедливым (Новочерк. 07/08-93).»*

Совет полагает существенным для целей настоящего дисциплинарного разбирательства то обстоятельство, что адвокат К. активно и последовательно отстаивал позицию защиты о невиновности своего доверителя П. как на стадии предварительного следствия, так и при рассмотрении дела в суде, где возникла ситуация острого конфликта в результате действий председательствующей судьи, препятствовавшей адвокату К. в осуществлении защиты П. всеми не запрещёнными законом способами (в частности, она неоднократно перебивала адвоката К. при допросе им ключевого свидетеля обвинения Г., снимала вопросы, задаваемые им этому свидетелю). К такой ситуации Совет считает применимым высказывание присяжного поверенного М.Г. Казаринова: *«...адвокат, пренебрегая толками и пересудами невдумчивых людей, смело и самоотверженно идет в словесный бой за свободу, судьбу, а иногда и самую жизнь тяжкого преступника...»* (Речи известных русских юристов. - М, 1985. С.170).

Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что для выражения желания достигнуть положительного результата защиты по уголовному делу адвокату следовало бы избрать более уместные в судебном заседании образы, чем выражение готовности исполнения стриптиза, учитывая общеизвестные специфические особенности этого танца. Как указано выше, это признал и сам адвокат К. в заседании Совета, а также в своих письменных возражениях, оценив как «неосторожное слово» произнесённую им в судебном заседании фразу: *«Если нужно, чтобы дело было прекращено, я готов станцевать стриптиз»*. Однако принимая во внимание, что эта фраза не содержит некорректных слов и выражений, высказана в устной форме в ситуации острого конфликта, вызванного воспрепятствованием деятельности защитника со стороны председательствующей судьи, и была произнесена исключительно в контексте отстаиваемой защитником позиции о невиновности своего доверителя, Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании Кодекса профессиональной этики адвоката, приходит к выводу о том, что анализируемое высказывание адвоката К. не умаляет ни его достоинство, ни

достоинство адвокатской профессии, а также не свидетельствует о неделовой манере поведения.

При таких обстоятельствах Совет не усматривает в профессиональном поведении адвоката К. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, совершённых умышленно или по грубой неосторожности, и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объёме.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по обращению судьи К. районного суда города М. Х. № ... от 30 июля 2020 года (вх. № ... от 03.08.2020), вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков